

НАТАША АЙВЕРС

ОДНИ ГОЛОСА

ЗАМОЛКАЮТ НАВСЕГДА.

А ДРУГИЕ

ПРОДОЛЖАЮТ

ШЕПТАТЬ...

КОГДА МЁРТВЫЕ ШЕПЧУТ

18+

Наташа Айверс

Когда мёртвые шепчут

<https://litres.ru/74044701>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аня не верит в совпадения.

Журналистское чутьё подсказывает ей: убийство богатой наследницы и гибель девушки в северном посёлке — звенья одной цепи. Но кто поверит, что предчувствия, тревожные сны и ощущение чужого присутствия — не игра её воспалённого воображения?

Она слышит шёпот в темноте и идёт по следу. Пока Аня ищет ответы, за ней наблюдает мужчина, уверенный: она замешана в смерти его невесты. Но чем ближе они друг к другу, тем страшнее тайна, с которой им придётся столкнуться.

После смерти одни голоса замолкают навсегда. А другие продолжают шептать

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Наташа Айверс

Когда мёртвые шепчут

Пролог

Я проснулась от собственного крика. Вокруг было темно и глухо, как будто меня закопали под землю — туда, где нет ни верха, ни низа. Потом пришёл холод: он медленно полз по коже под одеждой, разгоняя мурашки и шевеля волоски на теле. И ещё шум. Далёкий и странный, будто ветер в листве. Но он звучал не откуда-то извне, а внутри черепа, как шёпот. Шшшш. А потом ощущение, будто кто-то схватил меня за плечо, выдернул из сна и сразу отпустил, возвращая мне зрение и слух.

Я рывком села в постели, пытаюсь понять, где нахожусь, судорожно дыша. Хижина была холодна, как ледник: печь давно остыла, а окно запотело изнутри. Грудь вздымалась в попытках успокоить рваное дыхание. Моё тело отреагировало быстрее сознания — руки подняты в защитном жесте.

И тут я увидела это: тусклый лунный свет, пробивавшийся сквозь окно, осветил мои руки, покрытые какой-то тёмной жидкостью. Я медленно поднесла ладони к лицу. Пахло кровью. Обе руки были в крови от запястий до кончиков пальцев. Под ногтями кровь была почти чёрной, запёкшей-

ся, а на ладонях — ещё свежая, липкая.

— Что за... — зашептала я, но голос сорвался.

Я сбросила с себя шкуру, которой укрывалась на ночь, и вскочила с кровати, лихорадочно оглядываясь: лавка, пол, остывшая печка. Я резко повернулась к двери, вспоминая, запирали ли её перед сном. Щеколда была на месте.

Я подошла к окну. Оно было сплошным, открывалась только маленькая форточка. Сейчас она была приоткрыта, выпуская в дом холодный ночной воздух. За окном была темень — ночь ещё не закончилась. Сквозь стекло угадывались лишь силуэты деревьев. Где-то вдали тявкали собаки.

Я подошла к ведру у двери и опустила в него руки, разбивая тонкую корку наледи. Вода тут же потемнела. Ржавый, металлический запах ударил в нос.

Стук в висках усилился. Я не помню, чтобы выходила. Я не помню ничего. Где я могла пораниться? Откуда кровь?..

Оттерев ладони, я вымыла пальцы, выскребая засохшую кровь из-под ногтей. Ощупав голову, живот, руки, ноги я не нашла ни ран, ни синяков, ни царапин.

Стало понятно, что кровь была не моей.

— Тогда чья это кровь? Что я сделала? Где я была? На улице? Ходила во сне?.. А если там, перед домом, кто-то лежит? Раненый?.. Или — я я кого-то...

Мысль о том, что я могла кого-то ранить, и теперь на моих руках чужая кровь, выбила воздух из лёгких. Голова закружилась. Я бросилась к двери, отодвигая щеколду. Холод во-

рвался в хижину мгновенно, ударив в лицо. Снаружи пахло дымом и соснами.

Я шагнула вперёд — снег хрустнул под босыми ногами. Я забыла обуться, но мне было всё равно. Я огляделась. Вокруг — нетронутый, тонкий слой снега, что выпал ночью. На нём не было ни капель крови, ни следов человека, ни зверя.

Вдруг вспомнилось предупреждение Туяры оставаться в доме до рассвета. Я вернулась внутрь, заперла дверь, разожгла печь и снова залезла в кровать.

Так я и просидела, обхватив руками колени и не отрывая взгляда от огня, до самого рассвета.

Глава 1

— Положи. Пресс-папье. На место.

Голос у босса был ровный, но с таким холодком, что я тут же замерла с поднятой рукой. Он сидел за столом, сложив пальцы в замок, и смотрел на меня так, будто я держала в руках не безобидного стеклянного медведя с лупой в лапе, а ядерную бомбу, которая при малейшем неосторожном движении с моей стороны сотрёт человечество с лица земли.

— Да что с ним случится-то, Господи? — фыркнула я, вертя зверя в руках. — Сто лет тут стоит, пыль собирает.

— Вот именно. Сто лет! Это — подарок моей дочери. Положи, кому говорят!

Я закатила глаза и с преувеличенной осторожностью поставила стеклянную безделушку на место.

Алексей Романович моментально потянулся вперёд и придвинул фигурку поближе к себе. С таким видом, будто я её украсть пыталась. Я с трудом сдержалась, чтобы не закапать глаза.

— Ты со своими шаловливыми ручками, Аня, — начал он, скалясь, но я перебила:

— Что не так с моими руками? — я скрестила их на груди.

— А то, что растут они у тебя явно не из того места, вот что, — отрезал он. — Напомнить, что случилось с блюдцем в прошлый раз? Как ты в сердцах шмякнула его об стол?

А потом я, уставший, голодный, после десяти часов верстки свежего номера, мотался по городу в поисках замены тому самому фарфору, который мне жена подарила на годовщину нашей свадьбы!

— Ну я же извинилась.. И даже потом торт принесла, — буркнула я.

— За триста рублей из круглосуточного ларька за углом. Спасибо, Аня. Был растроган до слёз. Но изжога — штука беспощадная. Я потом два дня лекарства пил, чтобы пережить твои искренние извинения.

Я плюхнулась на стул, шумно выдохнула и посмотрела на него. Босс, конечно, мог быть язвительным и въедливым, но при этом всегда был на моей стороне.

Когда коллеги-мужчины намекали, что журналистика — не женское дело, а герои моих статей грозились личной встречей в подворотне, и даже когда местные чиновники пытались надавить, он всегда был за меня, давая всем им отпор.

Он был моим редактором, моим учителем и моей каменной стеной. И я знала, что Белов никогда не подставит.

Я пришла в редакцию «Городские вести» сразу после университета с ещё свежим дипломом, блеском в глазах и желанием свернуть горы. Алексею Романовичу хватило пары минут, чтобы понять: со мной будет непросто. Я была слишком настырной, хотела всё и сразу и не собиралась довольствоваться рутинной работой.

Сначала мне поручали мелочи: фоторепортажи с город-

ских новогодних мероприятий, заметки о ремонтах дорог, интервью с завхозом школы 18. Всё, что никто не хотел делать, летело ко мне в папку. Я писала быстро, чётко, без жалоб и всегда в срок. Но чем больше я писала, тем отчётливее понимала, что это не то, для чего я пришла в журналистику. Мне тесно в новостных рамках про детские утренники и ДТП, я хочу вгрызаться в истории, докапываться до сути, вытаскивать наружу то, о чём у других не хватает смелости рассказать.

— Хочу расследование, — заявила я однажды боссу, постучавшись в его кабинет.

— Найди тему — поговорим, — пожал он плечами, казалось, совсем не удивившись.

Я две недели рылась в открытых данных, спала по три часа в сутки, обложилась схемами, таблицами и сводками. И вернулась в его кабинет с цифрами, распечатками, выписками, логическими выводами и дрожащими от возбуждения руками.

Алексей Романович внимательно выслушал меня, потом долго молчал, перелистывая бумаги и заставляя нервничать. Лист за листом, документ за документом.

— Здесь нужен опытный журналист, — сказал он наконец, и впервые я заметила в его голосе что-то вроде сомнения. — Думаю, можно поручить Сергееву.

— Вы так уверены, что я не справлюсь?

— Дело не в этом. Просто слишком большое дело наклё-

вываается. Я бы поручил его кому-нибудь с опытом.

— И другого пола, — бросила я.

— Не начинай, Аня.

— Тогда поручите это дело мне. И, если сомневаетесь, назначьте кого-то мне в напарники.

Он задумался. Потом кивнул, потянулся к телефону и сказал:

— Тебя устроит Костя? Арефьев? Дисциплинированный, исполнительный. Без фантазии, зато с отличной памятью и точностью армейского хронометра. Будет твоими руками и ногами.

С Костей мы и правда сработались. Иногда он не понимал, зачем я часами просиживаю в городском архиве, выискивая договор аренды какой-то подвальной кладовки пятилетней давности. Не понимал, но шёл и заказывал нужные тома, когда я просила. Он находил нужные документы, ездил в командировки, ждал у кабинетов. И если поначалу между нами была дистанция, то уже через пару месяцев мы понимали друг друга с полуслова и полувзгляда.

Расследование затянулось почти на год. Сначала всё было, как в кино: азарт, карты на стене и доска с фамилиями, названиями фирм и мест. Потом началась рутина: сверка реестров, ожидание справок, тупики. Костя копал документы, а я опрашивала людей. Кто-то отшивал вежливо, кто-то — с угрозами. Пару раз даже, на всякий случай, записала номера машин.

Когда материал был готов, я думала: всё, вот он — мой звёздный час. Алексею Романовичу я передавала распечатку с надеждой на похвалу и признание. Он прочитал. Потом вызвал юристов.

И тут начался ад.

— Это убрать.

— Вот это — переформулировать.

— По этому пункту нас могут обвинить в клевете, если не будут собраны неопровержимые доказательства.

— А тут у вас — предположение, поданное как факт.

Я злилась и негодовала. Считала, что они выхолащивают мой текст, делают его безликим и скучным. Они урезали — я спорила. Они требовали источников — я билась в ярости: "Ну я же там была! Лично с ним разговаривала!"

Юристам было плевать. И вот тогда я и ворвалась к боссу в кабинет, жалуясь на произвол и грохнув несчастное блюдце об стол, на что Алексей Романович спокойно ответил:

— Они не враги тебе. Они — твои щиты, чтобы потом не пришлось спасать твою шкуру в суде по делу о клевете.

Я переписывала статью дважды. В третий раз мы перерабатывали её уже с боссом. Сидели допоздна. Он читал вслух, я правила.

— Видишь? — сказал он, подчеркивая абзац. — Тут ты оставила суть, но написала так, что при всём желании не к чему придраться. Это и есть настоящая журналистика. Не хайп и не громкий скандал, а выверенный, точный удар на

основе проверенной информации.

И когда статья вышла — с заголовком, о котором мы спорили с Беловым почти целую неделю, — я вдруг поняла, это работает.

Через два дня мне написала бывшая сотрудница одной из компаний из схемы. Анонимно. С дополняющими документами и подробностями по одной из сделок.

Чуть позже — звонок от мэра с просьбой прислать документы на проворовавшегося сотрудника. А потом — мне пришла повестка в суд по делу о клевете.

И всё это время босс был рядом. Он говорил, кому и как отвечать, сидел на встречах с адвокатами. А когда дело о клевете закрыли с формулировкой: «в связи с отсутствием состава преступления», и я пришла его благодарить, он только хмыкнул:

— Ну вот, а ты упрячилась. Вместо того, чтобы адвокатов нанимать да по судам бегать, мы сидим, кофе пьём и просто разговариваем. Запоминай, девочка: всё решает подготовка. После драки уже поздно кулаками махать.

Он был прав, в тот раз. Сегодня — нет. Сегодня он ошибался.

Глава 2

— Повторяю тебе: это временно. Поедешь, отдохнёшь, снимешь атмосферный репортаж про якутские обряды и традиции. Весна, костры, народные песни, гуляния — всё вот это. Воздухом хоть подышишь. Ты вообще когда последний раз на улицу выходила просто погулять, а?

Он говорил таким тоном, будто предлагал курорт, а не билет в ссылку. Можно подумать, он заботится о том, что я мало гуляю, а не пытается спрятать меня подальше от главного фигуранта моего расследования.

И всё из-за той самой угрозы, что пришла на редакционную почту — без подписи, но с подробностями из моей личной жизни. Я не боялась. Наоборот, я злилась и не понимала, почему это я должна вдруг прятаться, уезжать, исчезать только потому, что коррупционер из мэрии почувствовал, как под ним зашаталось кресло.

— Да я каждый день гуляю. До работы и обратно.

— Марш-бросок от автобуса до офиса или до дома, во время которого ты залипаешь в телефоне, редактируя тексты или печатая на ходу, не считается.

— Ну я же не всё время так...

— Ань, я вчера ехал за тобой от работы до остановки. Медленно. Несколько раз посигналил. А ты — ноль внимания.

— Ну, не то, чтобы я совсем не заметила... Я слышала, что кто-то сигналил. Просто я как раз переписывалась с бывшей сотрудницей и решила: кто бы ни сигналил, перебьётся. Позвонит или напишет, в конце концов.

— К тому же, там ты хоть от телефона отдохнёшь. — Заметив, как у меня широко раскрылись глаза от ужаса, он хмыкнул и добавил: — Интернета нет, сети нет. Будет тебе настоящий детокс.

Ох, как же мне хотелось запустить чем-нибудь в эту наглую, ухмыляющуюся физиономию, довольную до ужаса моими будущими мучениями. Я начала лихорадочно шарить по столу, но все предметы оказались вне зоны досягаемости. Да всё-таки правильно он сделал, что забрал пресс-папье. Вот у мужика интуиция развита.

— Так, Ань. Успокойся. Официально — ты уходишь в отпуск. Неофициально — буду говорить, что ты отстранена. Чисто для протокола. Чтобы потешить самолюбие господина Москвина, замглавы департамента экономического развития. На пару недель исчезнешь.

— А если через две недели Москвин не успокоится? — прищурилась я. — Сколько мне в этой ссылке находиться?! Он устало провёл ладонью по лицу.

— Анют Поверь, ему недолго осталось. У меня свои связи. И твоя статья, так сказать, последний гвоздь в крышку его гроба. Его давно разрабатывают. Но сейчас он, как раненый кабан: мечется, пытаюсь зацепить хоть кого-нибудь.

Я с размаху стукнула кулаком по столу. Стекланный медведь с лупой подпрыгнул, а кофе выплеснулось из чашки на стопку бумаг.

— Журналистские расследования — это моя жизнь! И ты сам говорил, что у меня нюх!

— У тебя нюх, как у ищейки, — вздохнул он. — И ровно поэтому тебе сейчас нужно взять паузу. Притормози, Ань.

— Это неправильно.

— Это единственный выход. Ты сейчас для него, как бельмо на глазу. Не хочу, чтобы с тобой что-то случилось. С глаз долой — из сердца вон. А пока ты будешь в отъезде, дело уйдёт в СК, и, поверь старику, после этого ему будет совсем не до тебя. Он будет разгребать горящие угли, которые вот-вот сожгут весь его уютный коррупционный мирок. А ты пока побудешь в отпуске. Отдохнёшь, развеешься. К Пасхе вернёшься. К тому моменту, может, уже и суд начнётся. А пока — Якутия.

Я молчала, сжимая зубы до скрежета.

— И не надо на меня злиться, — добавил он, поднимая палец. — Это для твоего же блага.

— Ты издеваешься?

— Считай, что это курсы по повышению квалификации. Хотя, ты, наверное, права. Срок в две недели — несерьёзно...

Я глянула на него, затаив дыхание.

— Думаю, четыре недели — начал он.

— Ладно. Ладно! — быстро закивала я. — Я поеду. Две

недели так две недели.

Он довольно кивнул и потянулся к телефону:

— Вот и умничка. Вот и молодец. Я уже договорился с местными. Тебя встретят в Усть-Мае, прямо у аэропорта, на вахтовке. Не комфортабельный автобус, конечно, но до посёлка довезёт. Вот увидишь, тебе понравится. Только ты там, это аккуратнее, ладно? И прежде чем влипнуть во что-то или предпринимать очередное расследование, позвони мне. Договорились?

— Очень смешно, — буркнула я.

— Так всё, Трофимова, марш домой — собирать чемодан. У тебя командировка.

Глава 3

Я взяла с собой только самое необходимое: ноутбук, диктофон, блокнот, камеру и запасной аккумулятор. Всё это привычно легло на свои места в безразмерной сумке. Попрошались с ребятами в редакции, где последние месяцы буквально жила, с головой уйдя в расследование, которое заняло полтора года моей жизни.

Чтобы не поддаваться волнению, которое поднималось где-то под рёбрами, я решила поехать домой раньше обычного. Полгода без командировок — и вот снова это чувство, лёгкое предвкушение неизвестности, которое казалось почти забытым и оттого тревожноприятным.

За окном стояла мартовская серость. Город выглядел тусклым: на обочинах таяли серые сугробы, а ветер срывал афиши и швырял их в мокрый снег. Но сквозь этот холод пробивался сырой, влажный запах весны — тонкий, но уже ощутимый.

В автобусе я заметила своё отражение в потускневшем стекле: тёмные круги под глазами, волосы собраны в небрежный пучок, на щеке — след от чернил. Вчера потекла ручка, а я заметила это слишком поздно — уже после того, как провела по щеке испачканными в чернилах пальцами. Потом долго терла кожу влажной салфеткой до красноты, но избавиться от пятна до конца так и не удалось. «Отдохнёшь, по-

дышишь, весна» — голос Белова до сих пор звучал у меня в голове, вызывая злые волны раздражения. Нашёл способ проявить заботу: сослал меня на край земли.

Но как бы я ни злилась на Белова, мысль о доме вдруг согрела. Я соскучилась по нашей кухне, по тишине квартиры, по Паше. Здорово иногда вернуться пораньше: не рухнуть лицом в подушку от усталости, а спокойно приготовить ужин и порадовать любимого.

Автобус дёрнулся на кочке, я вцепилась в поручень и машинально проверила телефон: четыре непрочитанных сообщения, одно из которых было от мамы. От него у меня в буквальном смысле свело челюсть. Заблокировала экран, даже не думая отвечать на её очередную эскападу. Сегодня и без её претензий хватало неприятностей.

На своей остановке я вышла. До дома — десять минут пешком через сад и двор с ухабами и вечной «ласточкой», кем-то припаркованной прямо на тротуаре. Квартиру мне купили родители. Они всегда считали, что деньгами можно заменить всё: внимание, любовь, даже детские воспоминания. На совершеннолетие они вручили мне ключи, сказав, что это — «старт для взрослой жизни». Я не спорила, просто взяла их и через неделю переехала. И теперь так же молча принимала их редкие звонки и сообщения, в которых было больше упрёков, чем родительского тепла. В детстве я их вообще ненавидела, правда уже не помнила за что. Сейчас — просто терпела. Наверное, потому что детские обиды давно

выгорели, оставив лишь холодное равнодушие.

Квартира красивая и просторная, с окнами в пол, объединённой зоной кухни и гостиной и отдельной спальней.

До редакции от неё — почти час езды, и каждый раз я проклинала пробки, но саму квартирку обожала. Даже Паша, когда впервые пришёл в гости, долго вертел головой, глядя на эту «картинку из журнала» и шутил:

— Ради такой квартиры я, наверное, мог бы даже жениться.

Я тогда только усмехнулась. Мы дружили с первого курса и делились всем — от конспектов до деталей личной жизни. И я знала все его истории про девушек, которые менялись так же часто, как плейлисты в его телефоне. Постепенно он стал появляться у меня всё чаще: то кофе принесёт, то забежит обсудить курсовую, то просто заглянет на чай. Разговоры на кухне затягивались до поздней ночи. Мы смеялись, спорили, делились планами, и в какой-то момент я поймала себя на мысли, что мне с ним хорошо и спокойно. Дальше всё сложилось само собой, и однажды мы просто проснулись рядом уже не как друзья. Не было киношной страсти, искр и фейерверков, но было ощущение, что рядом родной человек, которому можно верить.

Сказки о внезапной любви для меня всегда были не более чем маркетинговым ходом — чем-то вроде мифа о Деде Морозе. Красивый вымысел, придуманный, чтобы нажиться на эмоциях доверчивого зрителя.

С Пашей всё складывалось подругому. Рядом с ним не было бурных страстей, но было то самое ощущение дома — уютного и надёжного. Да, он мог месяцами «искать себя», как эти последние полгода, пока я тянула все расходы на себе. Мог разбрасывать носки и забывать выключить плиту. Но стоило ему обнять меня, и всё остальное переставало иметь значение.

Наши утренние ритуалы казались чем-то особенным: кофе, тосты с яичницей и его неизменный вопрос:

— Во сколько будешь дома и что купить на ужин?

Если я задерживалась, он не злился и не упрекал, не устраивал сцен и не дёргал звонками. Он просто спрашивал, всё ли в порядке, и уточнял, во сколько я вернусь. И, как бы банально это ни звучало, он ждал меня дома, а не шлялся с друзьями по барам. Для меня, человека, которому тяжело доверять и сходиться с людьми, это было почти чудом.

Мы начали жить вместе примерно год назад. А полгода назад Паша устроил настоящий спектакль, и, наверное, это было самым романтичным моментом в моей жизни.

Я тогда вернулась из командировки на два дня раньше, чем планировала. Ещё утром, когда мы созванивались с Пашей, я не знала, что окажусь дома вечером, так как всё решилось спонтанно. Когда открыла дверь, меня накрыло запахом жареного мяса, свечей и цветов. В гостиной стоял накрытый стол, а на нём — бокалы, шампанское, салаты, запечённая утка и моя любимая клубника. И цветы повсюду,

просто море цветов.

— Ты как узнал, что я сегодня приеду?

Паша сначала изобразил искреннее недоумение, а когда я продолжила расспрашивать его, просто встал на одно колено и сказал:

— Может, потому что хотел это сделать именно сегодня?

Выходи за меня.

Но Паша не был бы Пашей, если бы не сделал всё по-своему. Вместо помолвочного кольца мне досталась подвеска — лаконичная, но с каким-то особенным, его личным смыслом. Кольцо, правда, вскоре тоже заблестело на моём пальце — скромное, но красивое.

Иногда я смотрела на него и не могла поверить, что скоро стану замужней женщиной. В голове не укладывалось, что у нас будет семья, а потом и дети.

Телефон зазвонил, когда я уже подходила к магазину. Увидев на экране «Мать», я поморщилась. Вряд ли она будет спрашивать, как у меня дела — такие разговоры мы с ней вели редко.

— Аня, — в её голосе звучала тревога, — ты же понимаешь, что без брачного договора нельзя? Надо защитить твои активы. Мы с папой всё оставляем тебе, и если

Я закатила глаза, даже не пытаюсь скрыть раздражение.

— Мама, мне некогда.

— Аня, послушай меня...

Я сбросила звонок. Не хватало ещё портить себе вечер

разговорами с меркантильной матерью. Вечно она всё сводит к деньгам. Как будто в человеке главное — это сколько у него на счету. Я включила режим «не беспокоить» и сосредоточилась на покупках. Решила сегодня порадовать Пашу — куплю его любимую сёмгу и запекую в духовке с розмарином и лимоном, а ещё приготавливаю пасту с соусом из сливок и пармезана. Возьму хороший сыр и немного клубники — просто так, без повода.

В магазине было почти пусто, никто никуда не спешил — всё-таки здорово, что я ушла с работы раньше обычного. Я выбрала мягкий багет, баночку икры, бутылку Шабли. Паша любил белое, и я взяла то самое вино, которое мы когда-то вместе открыли на его день рождения. В этот момент я вдруг поймала себя на том, что чувствую себя почти счастливой.

«Вот Паша удивится и обрадуется,» — с этой мыслью я поднялась на свой этаж.

Дверь квартиры была не заперта. Это сразу бросилось в глаза и напрягло. Паша всегда закрывал дверь, даже когда шёл выносить мусор. Иногда его осторожность раздражала меня, но я привыкла, ведь у каждого свои причуды. Я осторожно толкнула дверь плечом, вошла и остановилась, держа пакет с продуктами в одной руке. В груди неприятно кольнуло. Я аккуратно поставила пакет на пуфик в прихожей.

В квартире царил полумрак и витали запахи сыра, запечённой сёмги, ванили и ещё чего-то приторно сладкого и чужого. Парфюм? Женский? На столешнице на кухне — доска

с нарезанным багетом. Чуть дальше — сыр, открытая банка икры, тарелка с сёмгой. На боковой стойке — два бокала. Бутылка шампанского с золотистой этикеткой «Veuve Clicquot» охлаждалась в ведёрке со льдом, а рядом на блюде — несколько крупных ягод клубники.

Меня кольнуло дурное предчувствие и сердце вдруг забилося чаще.

В квартире тихо играла музыка. Странно, Паша ненавидел джаз и всегда говорил, что саксофон — это «музыкальное извращение». Ради него я даже перестала включать свой любимый плейлист по вечерам.

И тут из глубины квартиры донёсся нарочито игривый женский смех.

Глава 4

Вывод напрашивался сам собой, но сердце бешено колотилось в груди, отказываясь верить в очевидное. То, что уже понял и принял мозг. Я лихорадочно искала другое объяснение.

— Может, Паша просто смотрит сериал?

Я тихо прошла по коридору и остановилась у двери спальни. Она была прикрыта, но не до конца, и из щели доносилось:

— Давай, детка вот так соси глубже

Хлюпанье и сдавленные, хриплые стоны моего жениха звучали так, будто я случайно включила дешёвое порно, но, к моему ужасу, это было не так. Всё это происходило здесь, в моей квартире, на нашей кровати.

Потом до меня донёсся пропитанный возбуждением и нелепым самодовольством голос Паши:

— Чувствуешь, какой он огромный? Да! Ах

Я оцепенела.

«Огромный?» — ситуация была патовая, но меня почему-то рассмешили его слова. «Да из-за его корнишона я за пять лет ни разу не испытала оргазм! А уж про продолжительность вообще молчу.»

Я бы сейчас, наверное, рассмеялась вслух. Но боль от того, что происходило там, за дверью, с каждой секундой стано-

вилась всё невыносимее. Такое ощущение, что ещё немного, и я рассыплюсь на кусочки.

Я толкнула дверь.

Павел, голый, сидел на краю кровати, откинувшись назад, как довольный кот. На его животе блестели потёки шоколада. О да, это он любил — обмазаться чем-то съедобным и устроить «кулинарную эротику».

Между его ног, на коленях, стояла девица. Светловолосая, покрашенная как для ночного клуба. В розовых кружевных стрингах, с браслетами на обеих руках, с кольцами и массивными золотыми часами. Она с энтузиазмом облизывала его измазанный шоколадом член. Меня они сначала даже не заметили.

Не знаю, что на меня нашло, но я метнулась вперёд и, не раздумывая, вцепилась девице в волосы — резкий, болезненный захват у корней. Она замычала, всхлипнула, и Пашин член с мокрым чмоком выскользнул из её рта. Павел, ошалело моргая, поднял голову.

— Аня это не то, что ты думаешь, — прохрипел он, отталкивая от себя девицу, которую я продолжала тянуть за волосы. Она вцепилась в мои руки своими, пытаясь освободиться, и вопила, как мандрагора.

— Правда? — голос у меня был спокойный, даже холодный. — Тогда скажи, что я думаю.

Паша подскочил на ноги, а я потянула девицу на выход прямо за волосы. Она визжала и брыкалась, но я была на ад-

реналине, поэтому даже бровью не повела. Когда я выволокла её в коридор и захлопнула дверь спальни прямо перед её носом, то вернулась к шокированному Паше и, не задумываясь, сильно ударила его коленом между ног. Он взвыл, согнулся и завалился на бок, но мне было жалко лишь испачканные шоколадом джинсы в области колена.

— Мать твою!.. Ты что творишь?! — прохрипел он, зажимая свои причиндалы руками и тоненько подвывая.

— То, что ты заслужил, — зло бросила я, развернувшись и направившись за его любовницей.

— Ты совсем больная?! — простонал он вдогонку, голосом, напоминающим жалобное мяуканье.

Я уже не слушала. В голове гудело, в висках пульсировало. Я застала девицу в гостиной, где она торопливо натягивала на себя свою обтягивающую кофту с длинными рукавами. Увидев меня, она завизжала и начала отступать к прихожей, прикрывая рукой свои растрёпанные волосы. Я рванула вперёд, как дикая кошка, и снова вцепилась в её шевелюру. Она пыталась дотянуться до моего лица своими длинными ногтями, но я потянула за волосы сильнее, и ей пришлось снова обхватить мои руки своими, чтобы заставить меня ослабить хватку.

— Отпусти! АААА! Что ты творишь, психичка?! Мне больно! Ты мне волосы выдрала, тварь! Я полицию вызову! Я

— Вызови. Вот они развлекутся, опрашивая девку в розовых трусах, — прошипела я и распахнула дверь на лест-

ничную клетку, вышвыривая её за порог, а после захлопнула дверь.

Та принялась колотить в неё кулаками и визжать, чтобы я отдала её обувь и одежду. Я достала из своей сумки газовый баллончик, распахнула дверь и направила его прямо ей в лицо. Мне даже объяснять ничего не пришлось. Девушка увидела баллончик, глаза у неё округлились, и она тут же заткнулась. Развернулась и босыми ногами припустила к лифтам.

Перцовый баллончик был в моей сумке с осени. Никогда не думала, что воспользуюсь им в собственной квартире, чтобы выставить за дверь любовницу своего жениха.

Когда я вернулась в спальню, Павел уже пришёл в себя. Он сидел на кровати, натягивая джинсы. Лицо злое, перекошенное, глаза горят так, будто это я здесь только что устроила оргию.

— Ты сошла с ума! — орал он, натягивая футболку. — Ты просто отбитая. Что это за цирк ты тут устроила?! Ты хоть знаешь, кто она?! Это дочь

— Пошёл вон. — я перебила его. — Собирай свои вещи и проваливай.

Павел шагнул ко мне, нависая, сжимая кулаки.

— Я тебя сейчас...

Он двинулся прямо на меня, рывком потянувшись рукой, пытаясь схватить за горло. Я отступала к двери спальни, пытаясь. Я выставила баллончик прямо перед его лицом, но его это не остановило, и тогда я нажала.

Облако газа ударило Павлу в глаза. Он согнулся, закрыв лицо обеими руками, и заорал:

— ААА! Бл*дь! Глаза! Жжёт! Ты что сделала?! Сука!

Я молча отступала, прикрывая рот рукавом и стараясь дышать как можно реже. Горло жгло, глаза резало, но я успела среагировать, вовремя выскочив из спальни.

Павел, матерясь, ослепший, на ощупь побрёл в ванную, натываясь плечами на стены. Он сипел, сплёвывал, прерывисто всхлипывал и орал. Дверь с грохотом хлопнула, кран зашипел, послышался плеск воды и новые ругательства, с каждым словом всё более хриплые и злые.

Я постояла секунду. Затем подошла к двери, повернула ключ в замке и открыла входную дверь. Постучала в соседнюю дверь с табличкой «К. И. Куликов».

— Кто там?

— Это Аня, из двадцать пятой. Простите за беспокойство. У меня тут... парень в неадеквате. Поможете выставить?

За дверью что-то глухо скрипнуло, после послышался звук замка. Потом дверь отворилась, и на пороге появился сосед — сухопарый, невысокий, с пронзительными глазами, владелец охранного агентства «Щит».

— Сейчас, подожди. — коротко бросил он, окинув меня быстрым взглядом.

Он вернулся через минуту уже с кобурой на ремне. Даже не поинтересовавшись подробностями, Куликов направился в мою квартиру. Шаги у него были уверенные, как у челове-

ка, привыкшего решать проблемы без долгих разговоров.

Павел, вытирая лицо полотенцем, как раз распахнул дверь ванной. Увидев Куликова, он застыл в ступоре.

— У тебя пять минут. Собирайся, — сухо сказал Куликов, слегка качнув подбородком в сторону выхода. — Тебя ждёт ночной кросс вниз по лестнице.

— Ты что, серьёзно? Соседей позвала? — заорал Павел, всё ещё кашляя. — Ты охренела?!

— Да. Как и ты. Прекрати устраивать сцену, Павел. Просто уйди.

— Или уходишь спокойно. — Куликов положил руку на кобуру, чтобы тот увидел оружие. — Или я помогу.

Павел выронил полотенце, судорожно сглотнул и метнул на меня злой взгляд.

— Ань, ты что творишь?! Нам нужно поговорить

— Уже поговорили, — холодно перебила я его.

Паша попытался что-то сказать, но сосед взял его под локоть. Жест был не грубый, но настолько весомый, что Павел дёрнулся, будто его схватили клещами.

— Не уйдёшь по-хорошему — тебе же хуже, — ровным голосом сказал Куликов, глядя ему прямо в глаза. — Связи у меня ещё остались. А вот терпение уже почти закончилось.

Павел понял. На его лице смешались злость и унижение. Он наспех вытерся полотенцем, натянул куртку, схватил кошелёк, паспорт и телефон, ни разу не посмотрев на меня. Потом хлопнул дверью так, что в прихожей дрогнуло зерка-

ло.

Я выдохнула, впервые за весь вечер.

— Спасибо вам, Константин Иванович, — сказала я соседу. Голос дрогнул, но я улыбалась.

— Да ладно, — махнул он рукой. — Закрой дверь на два оборота. И если что — зови.

Когда за Куликовым закрылась дверь, я начала собирать в пакеты Пашины вещи: его пальто, футболки, джинсы, бельё, кроссовки. Потом ноутбук и планшет, шнуры, зарядки, наушники. Всё это полетело из окна вниз. Снизу послышался возмущённый крик.

Я стояла у раскрытого окна, пытаюсь отдышаться. Сердце колотилось, как после быстрого бега, руки дрожали. Из приоткрытой двери спальни тянуло вином, потом и сладкими духами — запахом предательства, от которого мутило.

Я медленно вошла, сорвала одеяло с постели, сдёрнула простыни одним резким движением. Скомкала всё это в плотный комок и пнула его в угол. Остановилась, посмотрела на этот свёрток грязного белья, как на живое напоминание того, что здесь только что происходило. Я подняла его, вынесла в коридор и почти бегом отнесла к мусоропроводу.

Я схватила мусорный пакет и стала сметать туда всё подряд с кухонного стола: банку икры, открытую бутылку вина, сёмгу, нарезанный сыр, два фужера, один со следами её помады. Ложка с глухим звоном ударилась о столешницу, фужер покатился к краю и чудом не разбился. Жаль. Сейчас

звук битого стекла был бы почти приятен. Я завязала пакет и понесла его к мусоропроводу. Крышка лязгнула, и остатки «романтического ужина» исчезли в темноте шахты.

Вернувшись, я долго мыла стол, пока поверхность не заблестела. Открыла настежь все окна в квартире, впуская холод, который должен был забрать остатки тошнотворных запахов. Казалось, стало чуть легче дышать.

Потом я села, тяжело опустившись на стул, и открыла бутылку Шабли. Фужеры я выкинула вместе со всей этой мерзкой сервировкой, поэтому глотнула прямо из горлышка. Холодное вино обожгло горло, горький вкус с ноткой яблочной кислоты показался неожиданно резким, но в этом жжении было что-то очищающее. Казалось, с каждой каплей я смываю с себя липкую грязь предательства.

— Ну, за новую жизнь, — сказала я вслух, как будто кто-то мог меня услышать.

Я отрезала кусок сыра, что купила сегодня по дороге домой, и медленно прожевала, не чувствуя вкуса. Потом снова глотнула вина. Горячая волна прокатилась по пищеводу, обожгла внутренности и разлилась приятным теплом в груди.

Телефон лежал рядом, на чистом столе, словно ждал своего часа. Я взяла его и открыла приложение банка.

Заблокировать карту — раз.

Отключить автоплатежи — два.

Отменить Netflix, Spotify и бессмысленную подписку на

спортивный журнал, которую он считал «важной частью имиджа спортивного комментатора» — три.

Каждый свайп по экрану звучал в голове, как удар молотка.

Палец замер над контактом «Паша».

Блок.

Готово.

Я отложила телефон и глубоко выдохнула. Только после этого позволила себе откинуться на спинку стула, уперев затылок в холодную стену. Всё.

Веки сами собой опустились, словно из меня выкачали весь воздух и силы разом. А потом, без предупреждения, покатались слёзы — горячие, одна за другой. Они текли медленно и тихо, как будто вытягивая изнутри весь яд боли. Я не всхлипывала, не рыдала, не заламывала руки. Просто сидела, не двигаясь, пока капли скатывались по щекам. В квартире постепенно темнело.

Когда слёзы иссякли, я поднялась, сполоснула лицо ледяной водой, наспех собрала волосы в высокий хвост и закрыла окна. Холод немного привёл мои мысли в порядок, но пустота внутри всё равно звенела.

Я постучала в знакомую дверь напротив.

— Константин Иванович?

— Аня? — выглянул сосед. — Всё нормально?

— Да. Я уезжаю. На неопределённый срок. Ключи возьмёте?

Он наклонил голову, глядя поверх очков:

— За цветами смотреть? Или чтоб этот недокомментатор обратно не полез?

Я невольно усмехнулась:

— Скорее второе. Из цветов у меня только кактус. Его раз в два месяца всего поливать надо.

Куликов взял ключи.

— Будет сделано.

— Спасибо.

Я уже хотела уйти, когда услышала его негромкий голос:

— Знаешь, Анют, может, это и к лучшему?

Я обернулась, кивнула.

— Возможно. Только сегодня от этого ни черта не легче.

Вернувшись в квартиру, я заперла дверь на все замки. Потом открыла чемодан, в который давно не заглядывала.

— Худшее уже позади, — сказала я себе. — А мне пора собираться.

Я думала, что хуже уже не будет. Но впереди была ещё Якутия.

Глава 5

Сегодня был мой пятый день в посёлке Куордах — крошечной точке на карте УстьМайского улуса. Здесь всего шесть улиц, если считать улицами узкие переулки, где с трудом разъедутся два «УАЗа». Школа одна на весь посёлок — несколько классов сидят вместе в одном кабинете, а одна учительница ведёт все предметы, от чтения до математики. Есть ФАП и магазин, совмещённый с почтой. Работает он «пока есть свет» или «если завоз был». Хлеб и муку завозят вахтовкой раз в три дня вместе с газетами, макаронами и крупами. Свежие овощи здесь почти не встретишь. Иногда на прилавке появляется мороженая рыба или куски мяса в толстой наледи. Электричество здесь живёт по своим законам: то мигает, то пропадает на пару часов, пока не перезапустят генератор. Воду набирают из бочек у магазина или колют лёд, заготовленный с зимы. У каждого дома — деревянные сани, на которых возят дрова и воду, цепляя к снегоходу, если дороги заносит снегом. А к вечеру над посёлком стелется сизый дым — буржуйки топят до поздней ночи, чтобы стены не успели промёрзнуть.

В первые дни меня звали просто «журналистка», потом — Аня. А через пару дней стали окликать Аяаана, что на якутском значит «путь». Я улыбалась всякий раз, потому что именно так, ласково и как-то подомашнему, звала меня ба-

бушка в детстве. Я приехала сюда не просто злой — разъярённой, преданной, с ощущением, что Паша вытер об меня ноги. Всё ещё обижалась на босса за то, что он отправил меня «в ссылку», и на судьбу — за то, что позволила всему этому случиться. Но постепенно вся обида и боль растаяли, как лёд на реке весной. Беспокойные мысли стихли, а на их месте появился странный, непривычный покой. Я словно впервые за долгое время начала просто дышать — глубоко, без спешки, чувствуя свежий воздух, радуясь редким разговорам с новыми людьми и невольно вспоминая бабушку и своё детство.

А через пять дней я поймала себя на том, что мало говорю и много слушаю. С местными иначе нельзя — здесь каждое слово экономят, как дрова: не потому что скупы, а потому что знают цену молчанию. А когда говорят, то каждое слово звучит особенно громко и весомо.

Март в Усть-Майском улусе — время обманчивое. Солнце уже прогревает повесенному, но стоит шагнуть в тень, и мороз тут же пробирает до костей. Снег осел, потемнел и уже не хрустит, а крошится, как сахар. Воздух терпкий, сырой, с запахом талой воды, земли и прелых листьев, которые проступают изпод снега.

Я шла по тропе к опушке на открытом склоне среди карликовых берёз и чёрных скал. Пологие холмы были покрыты замёрзшим мхом. Утром здесь не было ничего, кроме утоптанного снега — я помню, потому что именно здесь делала

снимки для заметки о резких переменах весенней погоды. Но к вечеру всё изменилось.

Я уже привыкла к тому, что в Куордахе вещи появляются словно сами собой: на берегу реки кто-то за ночь выложит горку из камней — оберег для путников, на дереве вдруг появится свежая лента — знак, что здесь просили духа-хозяина места о защите. Поэтому, когда у опушки увидела дым костра, я почти не удивилась. Сам костёр был сложен не привычной мне пирамидой из поленьев, а «по-эвенкийски» — в форме колодца, аккуратно обложенного тремя рядами камней. Внутри тлели ветки лиственницы и уложенные сверху рога северного оленя. Рога почти не горели, а, скорее, потрескивали и тлели, источая едкий, чуть сладковатый запах жжёного кератина. Женщины время от времени бросали в огонь пригоршни сушёных трав — багульник, можжевельник и полынь. Дым от них был лёгким, пряным, с горьковато-хвойной ноткой, от которой слегка першило в горле.

Рядом с костром, между двумя берёзками, была натянута верёвка с привязанными лоскутами ткани. Такие ленты вешают, чтобы умиловать духов по древнему шаманскому обычаю.

— Ты туда не ходи, — сказала моя проводница Туяра. — За ветки. Это Ыйык суол. Священная черта. Смотри.

Голос был твёрдым. Она говорила на русском с лёгким акцентом. Я кивнула в ответ. Раньше мне уже приходилось снимать для журнала материалы о северных традициях, ша-

манских обрядах и старинных ритуалах, но этот раз был совсем другим. Его проводили не для туристов и не согласовывали с районной администрацией. Обряд происходил по-настоящему. Как я поняла из скурых фраз Туяры, мать погибшей девушки сама пришла к шаманке и попросила её «узнать у духов», что случилось с дочерью.

С Туярой я познакомилась всего час назад. Она нашла меня на тропе у речки, когда мы с егерем поднимались к опушке — я шла с блокнотом в руках и камерой на плече, ловя последние лучи вечернего света. Туяра появилась неожиданно, словно выросла прямо из снега на повороте тропы.

— Ты журналистка из далёкого города, да? — её голос был низким, резким, с хрипотцой. Щёки впалые, глаза — узкие щёлки, смотрели пристально и без тени улыбки. Дождавшись моего кивка, она коротко бросила:

— Иди за мной. Успеем. До обряда — час.

И я пошла за Туярой, проваливаясь в рыхлый снег и трясясь от холода, что пробирался под куртку и шерстяной свитер, пока мы не вышли на эту поляну. Солнце садилось быстро, словно спешило спрятаться от холода. Последние лучи цеплялись за вершины сопок, пробегали по земле, будто прощаясь до завтра.

Пока ждала начала обряда, я перевела камеру в беззвучный режим. Моя Nikon Z6 II — надёжная рабочая лошадка с универсальным объективом, без вспышки — подходила и для полевых условий, и для городских репортажей. Стоило

только снять перчатки, как пальцы тут же свело от холода, но я уже привыкла к таким издержкам профессии: камера требует живых рук.

В центре площадки стояла шаманка, которую я узнала сразу. Местные звали её просто — Таанга, что значит «Та, что знает». Таанга Аймаал-Сардаана — женщина средних лет, одетая в кафтан из грубого домотканого сукна, обшитый лентами с ручной вышивкой. На талии — широкая тканая полоса, украшенная железными подвесками, мелкими бубенчиками и мешочками с травами. На голове у неё был старый войлочный колпак из серого фетра с вышитыми знаками, закрывающий лоб. В волосы вплетены тонкие шнуры с высушенными когтями животных и перьями, а в руках — бубен, матовый, потемневший от времени, обтянутый оленьей кожей. Рисунки на нём почти стёрлись, остались только бледное солнце в центре да неразборчивые знаки по краю.

Рядом с ней стояла женщина в расстёгнутой, старой парке — её нельзя было застёгивать до завершения обряда, чтобы тело оставалось «открытым» духам. Волосы у неё были распущены, как того требовал ритуал связи с предками. Я догадалась, что это мать девушки. В одной руке она держала деревянную чашу с оленьей кровью — жертвенное подношение для духов, а в другой — платок с древним узором вышитым красной нитью, передаваемый по женской линии, как оберег и знак рода.

В голове вспыхнуло смутное воспоминание из детства. Я

словно снова услышала голос бабушки — она объясняла, что в такой платок прячут прядь волос умершей, чтобы её дух мог уйти к предкам и не блуждать среди живых. Особенно если человек погиб внезапно или не своей смертью: тогда душа не находит покоя, и ей помогают обрести путь с помощью ритуалов и подношений.

Остальные стояли молча, замкнув круг, — так в обряде очерчивают границу между мирами.

Слышно было только, как потрескивал костёр и тихо звенели подвески на одежде шаманки. Я сделала несколько снимков: лица людей, тёплое мерцание огня и руки матери, державшие обрядовую чашу с жертвенной кровью. Я старалась дышать ровно и не трясти объектив, хотя от волнения сердце билось так, будто хотело вырваться наружу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.